

Глава IX СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ

Фильдинг, рассуждая теоретически о романе, всегда подчеркивал его исторический характер. Невозможно, утверждает он, показать человека целиком, если не показать его в действии. Романист, пишет он в одной из вступительных глав к «Тому Джонсу», не просто летописец, а историк. Его произведение не должно поэтому походить на «лист газетных «новостей», который состоит всегда из того же самого числа слов, независимо от того, есть ли в нем новости или нет». Романист, в противоположность летописцу, должен пользоваться методом «тех писателей, которые занимаются описанием революций, происходящих в государствах». Другими словами, он должен иметь дело с изменениями, с отношением причины и следствия, с кризисами и конфликтами, а не только с описаниями или с субъективным анализом.

В другой главе он объясняет еще точнее роль романиста, который должен обладать способностью «проникать во все вещи, доступные нашему познанию, и схватывать их существенные особенности». Требуемые здесь качества он называет «изобретательностью и суждением» и тут же поясняет, что изобретательность не является просто способностью создавать события или ситуации. «Под изобретательностью следует подразумевать (и таково точное значение этого слова) не более как способность открывать, находить, или, говоря точнее, способность быстро и глубоко проникать в истинную сущность всех предметов

нашего ведения. Способность эта, я полагаю, едва ли может существовать, не сопутствуемая суждением, ибо для меня непостижимо, каким образом можем мы открыть истинную сущность двух вещей, не познав их различия».

Это сказано в высокой степени разумно, не хуже самых замечательных суждений, когда-либо высказанных о романе, и автор не без оснований озаглавливает главу «Тома Джонса», где оно содержится: «О тех, кому позволительно и кому непозволительно писать истории, подобные этой». Другими качествами настоящего романиста, или, как Фильдинг его называет, историка, должно быть образование, — причем он упоминает, что Гомер и Мильтон, эпические поэты, которых он признает своими учителями, «были образованнейшими людьми своего времени», — а вслед за образованием — умение общаться «с людьми всех званий и состояний».

Когда романист снова признает и усвоит взгляд Фильдинга на функции романа, у нас возникнет новый реализм. Да, новый реализм, потому что ясно, что раскрытие сущности вещей в наши дни, способность схватывать их существенные особенности, умение общаться со всеми людьми не могут привести лишь к возрождению романа в духе Фильдинга или Диккенса. В наши дни проникновение в существенные особенности должно означать раскрытие тех противоречий, которые являются движущими силами человеческих действий, как внутренних противоречий человеческого характера, так и внешних противоречий, с которыми они неразрывно связаны. Мы не можем сейчас общаться со всеми людьми,

если мы не в состоянии понять, как изменились отношения между людьми со времен Фильдинга.

Современная психология без сомнения накопила массу выдающегося материала о человеческом характере, в особенности о глубинных, подсознательных началах в человеке, которые романист должен принимать во внимание. Но это ни в коем случае не означает, что такой подбор психологических данных может сам по себе объяснить все человеческие мысли и чувства. Все сочинения Фрейда, Хавелока Эллиса или Павлова, вместе взятые, не могут позволить романисту передоверить свои функции психологу. Марксист безусловно отрицает за психологом право объяснять все процессы мышления или изменения в психологии человека чисто-субъективными причинами, как например, Эдиповым комплексом или каким-нибудь другим из множества устрашающих комплексов в психоаналитическом арсенале. Вы не можете изобразить человека в процессе его индивидуальных «революций», как этого требовал Фильдинг, вы не можете по-настоящему проникнуть в человеческую личность с целью воссоздать ее в художественном образе, если вы связаны чисто-биологическим воззрением на духовную жизнь, которое представляет Фрейд, или чисто-механистическим воззрением Павлова и рефлексологов. Разумеется, современные психологи сделали громадный вклад в сокровищницу наших знаний о человеке, и романист, который в наши дни стал бы игнорировать их достижения, проявил бы в такой же мере невежество, как и глупость,

но им совершенно не удалось показать индивида как целое, как социального индивида. Они создали базис для того ложного мировосприятия, которое в лице Пруста и Джойса привело к убеждению, что единственной целью искусства является не создание человеческой личности, а разложение человеческой личности.

Психоанализ, несмотря на все свое блестательное и смелое зондирование тайных глубин личности, так и не сумел понять, что индивид составляет лишь часть социального целого и что законы этого целого, разлагаясь и преломляясь подобно лучам света, проходящим сквозь призму, в механизме индивидуальной психологии, изменяют и контролируют природу каждого индивида. Человек сегодняшнего дня вынужден бороться против объективных внешних ужасов, сопровождающих падение социального строя, против фашизма, против войны, безработицы, упадка сельского хозяйства, против господства машины, но он должен также бороться против субъективного отражения всех этих вещей в его собственном сознании. Он должен бороться за то, чтобы изменить мир, чтобы спасти цивилизацию, и он должен также бороться против капиталистической анархии в человеческом сознании.

Вот в этой-то двойной борьбе, каждая сторона которой в свою очередь влияет на другую и сама подвергается ее влиянию, придет конец старому искусственному подразделению реализма на субъективный и объективный. У нас не будет больше старого натуралистического реализма, не будет боль-

ше романов, заполненных бесконечным анализированием и интуицией, у нас будет новый реализм, в котором оба метода обретут правильное взаимоотношение друг с другом. Конечно, современные реалисты, наследники Золя и Мопассана, чувствовали недостаточность метода своих учителей. Но отсутствие диалектики, философии, которая позволила бы им действительно понять и освоить мир, повело их по ложному пути замены натурализма трескучим поддельным символизмом. В этом основной порок нескончаемых, мощных, но не удовлетворяющих нас произведений Жюля Ромена⁶⁵ и Селина.⁶⁶

Каким путем можно осуществить это дело — сломить старое подразделение внутри буржуазного реализма? Прежде всего, восстановив историческую точку зрения, которая составляла основу классического английского романа. Здесь я хотел бы подчеркнуть, что это вовсе не предполагает только необходимость истории и рассказа, потому что мы имеем дело с живым человеком, а не просто с внешними обстоятельствами, среди которых человек ведет свое существование. В этом заключалась ошибка многих социалистических романистов, которые использовали весь свой талант и энергию на описание стачки, общественного движения, построения социализма, революции или гражданской войны, не задумываясь над тем, что величайшее значение имеет не социальный фон, но сам человек, во весь рост вырисовывающийся на этом фоне. Эпический человек — это человек, в котором нет больше средостения между ним самим и сферой его практической дея-

тельности. Он живет и изменяет жизнь. Человек создает себя.]

Будет только справедливейшей самокритикой признать, что ни советскому роману, ни роману западных революционных писателей, за немногими редкими исключениями, не удалось полностью осуществить это. К тому были самые веские основания. Сами по себе события, гражданская война в России, создание социалистической промышленности, революция в жизни крестьянина, борьба против эксплуатации и оборона рабочего класса против фашизма — все это представляется столь герническим, столь внушительным, что, как кажется писателю, одно уже простое описание этих событий должно дать потрясающий эффект. Действительно, часто это имеет величайшее эмоциональное значение, которое, однако, не выходит за пределы первоклассной публицистики. Писатели не умножают этим нашего знания о человеке, не расширяют реально пределы нашего сознания и способности восприятия.

Историческое событие, — писал Энгельс в письме, которое я цитировал во второй главе настоящего очерка, — всего менее является простым сложением $1 + 1 = 2$, результатом прямой причинно-следственной связи. «История делается таким образом, что конечный результат получается от столкновений множества отдельных воль, причем каждая из этих воль становится тем, чем она является опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств. Таким образом имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, и

из этого перекрецивания выходит общий результат — историческое событие».

И Энгельс и Маркс считали Шекспира единственным писателем, который в совершенстве разрешил проблему изображения человеческой личности. Энгельс в своих интересных письмах к Лассалю, критикуя историческую драму последнего «Франц фон Зикинген», выдвигает в качестве основного недостатка Лассалля то, что он отдал предпочтение шиллеровскому драматургическому методу перед шекспировским «реализмом». «Вы совершенно справедливо выступаете, — говорил Энгельс, — против господствующей ныне дурной индивидуализации, которая сводится к мелочному умничанию и составляет существенный признак выдохшейся эпигонской литературы. Мне кажется, однако, что личность характеризуется не только тем, что она делает, но и тем, как она это делает, и с этой стороны идейному содержанию вашей драмы не повредило бы, я думаю, если бы отдельные характеры были несколько резче разграничены и противопоставлены друг другу. Характеристика древних в наше время уже недостаточна, и здесь, мне кажется, вы могли бы без вреда посчитаться немножко больше с значением Шекспира в истории развития драмы».⁶⁷

Маркс и Энгельс бесспорно согласились бы со взглядом Хезлита на шекспировскую трактовку характера, как «непрерывное сочетание и распадение его элементов, брожение в каждой частице общей массы благодаря попрежнему притяжению или отталкиванию ее другими началами, которые приводят-

ся в соприкосновение с нею. Пока опыт не произведен, мы не знаем его результатов, не знаем, какое направление примет развитие характера в новых условиях». Это свойство неожиданности, которое должно в то же время согласоваться с внутренней логикой исторического события и самого характера, и если то самое, что Энгельс имел в виду, когда он писал, что результатом столкновения индивидуальных воль является нечто, «чего никто не желал».

Из того, что я до сих пор говорил о марксистском взгляде на реализм, легко понять, что этот взгляд совсем не соответствует широко распространенному воззрению на революционную пролетарскую литературу, будто бы эта литература представляет собою немногим больше, чем плохо замаскированный политический памфлет. Маркс и Энгельс придерживались ясно выраженного мнения, что ни один автор не может писать, забывая о классовой борьбе своего времени, что все писатели, сознательно или бессознательно, занимают определенную позицию в отношении этой борьбы и выражают ее в своем творчестве. Так обстоит дело в особенности в великие творческие эпохи мировой литературы. Но они всегда выражали величайшее презрение к той литературе, которая подменяет живую деятельность людей авторскими суждениями о ней. Уже в 1851 году в статье, помещенной в «Нью-иоркской трибуне», Энгельс весьма критически отзывается о литературном движении 1830 — 1848 годов в Германии:

«Наивный конституционализм или еще более наивный республиканизм проповедывались почти всеми писателями того времени. Все более и более входило в привычку, особенно у литераторов низшего разбора, пополнять недостаток литературного искусства в их произведениях политическими намеками, которыми обеспечивался успех у публики. Стихотворения, повести, рецензии, драмы, всякие литературные произведения были преисполнены так называемой «тенденции», то есть более или менее робких выражений противоправительственного духа».⁶⁸

В письме к мисс Гаркнес о Бальзаке, написанном почти сорок лет спустя, он высказываетя даже еще более отчетливо. «Я далек от того, чтобы поставить Вам в вину, — пишет он ей, — что Вы не написали чисто-социалистический роман, *Tendenz-Roman*, как мы, немцы, говорим, в котором прославлялись бы социальные и политические идеи автора. Это совсем не то, что я думаю. Чем больше скрыты взгляды автора, тем это лучше для произведения искусства. Реализм, который я имел в виду, проявляется даже невзирая на взгляды автора».⁶⁹

На чем Маркс и Энгельс, однако, настаивали, так это на том, чтобы произведение искусства соответствовало мировоззрению автора, ибо только это последнее может придать ему художественное единство. Но собственные взгляды автора не должны никогда навязываться. Мировоззрение не следует проповедывать, оно должно вытекать совершенно естественно из самих обстоятельств и характеров. Это и есть подлинная тенден-

циозность, та тенденциозность, которая пронизывала все великие произведения искусства, которую, как писал Энгельс другой якобы социалистической писательнице Минне Каутской, матери Карла, можно найти у Эсхила и у Аристофана, у Данте и у Сервантеса, у современных русских и норвежских романистов, которые «пишут превосходные романы, [и] все сплошь тенденциозны. Но я думаю, что тенденция должна сама по себе вытекать из положения и действия, без того чтобы на это особо указывалось, и что писатель не обязан подносить читателю в готовом виде будущее историческое разрешение изображаемых им общественных конфликтов».⁷⁰

Он развивает этот взгляд дальше в том же письме, указывая, что в современных условиях автор находит читающую публику преимущественно среди буржуазии и что «поэтому социалистический тенденциозный роман целиком выполняет, на мой взгляд, свое назначение, правдиво изображая реальные отношения, разрывая господствующие условные иллюзии о природе этих отношений, расшатывая оптимизм буржуазного мира, вселяя сомнения по поводу неизменности основ существующего порядка, — хотя бы автор и не предлагал при этом никакого определенного решения и даже иной раз не становился явно на чью-либо сторону».⁷¹

Дело писателя — не проповедывать, а давать реальную, историческую картину жизни. Очень легко подменить живых мужчин и женщин сочиненными фигурами, плоть и кровь — набором готовых мнений, реальных людей — абстрактными «героями и злодеями», мучимы-

ми сомнениями, старыми связями, традициями и преданностью, но сделать это не значит написать роман. Речи не имеют никакого смысла, если мы не в состоянии понять всю механику жизни, скрывающуюся за любой речью. Конечно, персонажи могут и должны иметь политические убеждения, если только это их собственные убеждения, а не авторские. Если даже в отдельных случаях убеждения какого-нибудь персонажа совпадают с убеждениями автора, они должны быть выражены голосом этого персонажа, а это в свою очередь предполагает, что характеры должны обладать своим собственным индивидуальным голосом, своей личной историей.

Революционный писатель является партийным писателем, его мировоззрение является мировоззрением класса, борющегося за создание нового социального строя, — тем больше оснований требовать от него широчайшего размаха воображения, величайшей творческой силы. Он выполняет свою партийную задачу своим творчеством, создавая новую литературу, свободную от анархистского индивидуализма буржуазии эпохи ее упадка, а не подменяя реальную картину мира, как того требует его мировоззрение, партийными лозунгами по тому или другому текущему вопросу. Он не будет в состоянии сделать эту картину правдивой, если он не является подлинным марксистом, диалектиком с законченным философским мировоззрением, или, как это выразил бы Фильдинг, если он не приложил действительных усилий для того, чтобы овладеть образованностью своего времени.

Такое понимание роли художника предполагает, что он должен охватить жизнь во всей полноте своего мироощущения. Пролетарская литература еще очень молода, ей за пределами Советского Союза не исполнилось еще и десяти лет, и ей часто бросали упрек, что она, по крайней мере в капиталистических странах, ограничивалась лишь определенными типами людей, и притом односторонним их изображением. Лидер забастовщиков, капиталист-«хозяин», интеллигент в поисках новой веры, — за пределы этих фигур, говорят нам, новые писатели не отваживались заходить, да и эти характеры лишь в слабой степени удалось им облечь в плоть и кровь. Упрек в известной степени справедливый, хотя он забывает эпические истории Мальро,⁷² оба романа Ральфа Бэйтса,⁷³ творчество Джона Дос Пассоса и Эрскина Колдуэла.⁷⁴ Между тем не существует человеческого характера, чувства, столкновения личностей, которые не умели бы в рамки творчества революционного романиста. В самом деле, он один только в состоянии создать героя нашего времени, дать цельную картину современной жизни, потому что только он один способен распознать правду этой жизни. Да, мало было романов, написанных революционерами, которые были бы свободны от ошибок, раскритикованных Марксом и Энгельсом. Многое еще предстоит сделать, пока новая литература окажется в состоянии выполнять свои задачи, и всегда будет справедливо то положение, что, прежде чем получить великие романы, нужно иметь великих романистов. С другой стороны, пус-

кой скептики вспомнят, что в жестокой борьбе идей, происходящей сейчас в мире, большинство лучших писателей буржуазии начало резко двигаться влево и что это движение привело их в соприкосновение с последовательно-революционными писателями. Мы можем с полным правом надеяться, что этот контакт приведет к творческому оплодотворению, которого мы добиваемся, ибо, как это должно с достаточной ясностью вытекать из этого очерка, революционер принимает все, что есть жизнеспособного, и надежного в наследии прошлого, и не отмечает от себя ничего в настоящем, что может быть использовано для построения будущего.